

На правах рукописи

НОВИКОВА МАРИНА НИКОЛАЕВНА

**НИГИЛИЗМ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН: ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ
НИГИЛИЗМА В РУССКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ**

Специальность 09.00.11 – социальная философия

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

кандидата философских наук

Нижний Новгород 2010

Работа выполнена на кафедре методологии, истории и философии науки факультета коммуникативных технологий ГОУ ВПО «Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева»

Научный руководитель:

доктор философский наук, профессор Мальцев Константин Геннадьевич

Официальные оппоненты:

доктор философских наук, профессор Пак Галина Станиславовна

кандидат философских наук, доцент Гриднева Елена Александровна

Ведущая организация:

Уральский государственный университет им. А.М. Горького

Защита состоится «18» февраля 2011 года в 14.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.166.04 при ГОУ ВПО «Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского» по адресу: 603000, г. Нижний Новгород, Университетский переулок, д.7, аудитория 300.

С диссертацией можно ознакомиться в фундаментальной библиотеке ГОУ ВПО ННГУ им. Н.И. Лобачевского (603950, г. Нижний Новгород, проспект Гагарина, 23, корпус 1).

Автореферат разослан «12» _____ 201__ года

Ученый секретарь диссертационного совета
доктор философских наук

А.Н. Фатенков

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Слово «нигилизм» было впервые использовано в России в 30-е годы XIX века для обозначения некоторых черт нового умонастроения, свойственного группам радикальных литераторов, заявлявшим неприятие господствовавшего общественного порядка. К середине 60-х годов в русской общественной мысли консервативного направления сформировалось понятие «нигилизм»: «нигилистичными» стали называть идеологию, социальные практики, мировоззрение русской радикальной интеллигенции. Именно в этом значении термин «нигилизм» широко употреблялся всю вторую половину XIX – начало XX веков в русской консервативной, почвеннической, отчасти либеральной общественной мысли. При этом утверждалось, что «нигилистичность» есть дифференциальное качество интеллигенции как таковой; в качестве причины этого указывалось на оторванность этой социальной группы от «почвы», от «органических условий русской жизни». Таким образом, темой социально-философского анализа в русской философии конца XIX-начала XX веков стало выявление необходимой связи между социальной природой русской интеллигенции – и ее радикальным нигилистическим мировоззрением, идеологией, политической программой.

В традиции русской философской мысли было полагать литературные образы того или иного социального явления в качестве релевантных для философской его (явления) концептуализации. Так называемый «нигилистический роман», особое направление в русской литературе, представленное произведениями Лескова, Писемского, и прежде всего Достоевского, - давал, по согласному мнению, утвердившемуся в конце XIX-начале XX века, обобщенный и точный образ «русского нигилиста» и нигилизма, открывающий возможность социально-философского истолкования этого общественного явления. К 20-м годам XX века появилась целая «философская литература», посвященная изучению нигилизма как определяющей черты идеологии и мировоззрения русской радикальной интеллигенции, основывающаяся на изучении образа этого

явления в романах Ф.М. Достоевского; Достоевский был назван историком, психологом, бытописателем – и наиболее пронизательным критиком «русского нигилизма».

Таким образом, актуальность данного диссертационного исследования может быть определена в нескольких основных аспектах.

Во-первых, безусловный интерес представляет обобщение тех результатов, к которым пришли ряд русских философов в анализе нигилизма как дифференциального признака идеологии, мировоззрения и социальных практик русской радикальной интеллигенции второй половины XIX – начала XX веков. Во-вторых, в той степени, в какой сохраняются социальные условия, обусловившие появление в России интеллигенции, - является актуальным изучение наиболее существенных свойств, характерных для этой социальной общности. В-третьих, в диссертации сделана попытка показать, что «нигилизм» является определяющим свойством не только русской радикальной интеллигенции XIX-начала XX веков, но является универсальным (повторяющимся в разное время и разных местах) свойством социальных общностей определенного типа, и актуальной представляется изучение традиции не только социологического (привязанного к условиям места и времени), но, прежде всего, социально-философского анализа феномена нигилизма. Обращение к концептуализации нигилизма как социальной практики, имеющей давние традиции и глубоко укоренённой в основах русской ментальности, способствует обновлению взгляда на самобытность социальной реальности нашей страны.

Степень разработанности проблемы. Первым исследователем и критиком нигилизма в России обоснованно считается Ф.М. Достоевский. Данный в его сочинениях образ нигилизма российской радикальной интеллигенции послужил основой для анализа этого социального явления в русской философии второй половины XIX – начала XX веков; критика Ф.М. Достоевским нигилизма заложила основу традиции интерпретации содержания идеологии, мировоззрения, социальных практик радикальной интеллигенции не только в России в

XIX-XX веках, но и во всем мире (исследования Ю.Ф. Карякина подтверждают это).

Анализ образа русского нигилизма в романах Ф.М. Достоевского позволил русским философам В.В. Розанову, К.Н. Леонтьеву, Д.С. Мережковскому, Л.А. Шестову, Н.А. Бердяеву, С.Н. Булгакову, С.Л. Франку раскрыть существенные свойства нигилизма как черты интеллигентского мировоззрения, дать интегральную характеристику нигилизма как социального явления; многие выводы были использованы затем при интегральной характеристике российской радикальной интеллигенции в сборнике «Вехи». Характерной особенностью изучения феномена нигилизма в русской философии второй половины XIX – начала XX веков был синтез социально-философского, социально-этического и социально-психологического планов анализа нигилизма, - на общем фоне религиозно-мистического опыта мировосприятия, свойственного большинству названных философов в этот период их творчества. Попытки интерпретации образов «бесов» Ф.М. Достоевского как «манифестаций inferнальной изнанки бытия» (С.Н. Булгаков), с одной стороны, препятствовали «трезвому социологическому познанию» нигилизма как социального явления (и вызывали отторжение у либеральной общественности, также враждебной интеллигентскому радикализму), - но, с другой стороны, позволяли выявить универсально значимые характеристики феномена нигилизма.

Образ нигилизма в романах Ф.М. Достоевского использовался для изучения нигилизма, нигилистической идеологии, социальных практик также и теми русскими философами, которые были чужды мистических настроений начала века; здесь прежде всего следует указать на труды И.А. Ильина.

Тема «нигилизм» присутствует и в европейской философии XX века, прежде всего в связи с интерпретацией философии Ф. Ницше; однако существенно иной контекст и аспект развития этой темы в европейской философии дает нам право в настоящей диссертации уклониться от сопоставления отечественного и европейского развития темы «нигилизм». Однако, здесь нам известно одно исключение: А. Камю интерпретировал нигилизм в непосредственной свя-

зи с его образом в романах Ф.М. Достоевского, и получил выводы, вполне сопоставимые с полученными в русской философии второй половины XIX – начала XX века.

Из опыта изучения творчества Ф.М. Достоевского в отечественном литературоведении для целей настоящего исследования первостепенное значение имеют работы исследователей, реализующих в том числе философский интерес в познании образов творчества Достоевского: М.М. Бахтин, Ю.Ф. Карякин, Б.Энгельгардт, Я.Э. Голосовкер. При всем различии подходов, для них свойственно изучать произведения Достоевского как «философский роман» (Б. Энгельгардт использовал термин «идеологический роман»).

В российской философии в XX веке проблема нигилизма (в связи с образом нигилизма в романах Ф.М. Достоевского) рассматривалась в работах Ю.Н. Давыдова («метафизика своеволия», этический и психологический аспекты нигилизма), Э.Я. Баталова (нигилистические социальные и политические практики, политический нигилизм), Ю.Г. Кудрявцева (возобновил традицию «комплексного анализа» нигилизма, впервые предложенную Б. Энгельгардтом; у Энгельгардта нигилизм рассматривался на «трех уровнях»: «среда», «почва», «земля»; у Ю.Г. Кудрявцева – «событийное», «социальное», «философское»).

В последней четверти XX – начале XXI века термин «нигилизм» используется для обозначения существенного признака идеологии террористических движений и мировоззрения социальных групп, которым приписываются «террористические» социальные практики. Одновременно, как правило без использования термина «нигилизм», социальной реальности как таковой приписываются свойства, в русской общественной мысли второй половины XIX – первой половины XX века обозначаемые этим термином («текущая современность» З. Баумана, «имплозия социального» Ж. Бодрийера).

Отказ от широкого использования термина «нигилизм» и переформулирование проблем, в контексте которых понятие «нигилизм» выполняло существенные смысловые функции, - обеспечивают определенную смысловую завершенность для исследования нигилизма как социального феномена.

Объектом диссертационного исследования является нигилизм как дифференциальное свойство идеологии и социальных практик радикальной интеллигенции. **Предметом** исследования является традиция изучения и критики, опыт социально-философской концептуализации нигилизма российской интеллигенции в русской философии второй половины XIX-начала XX века.

Цель и задачи. Целью диссертационного исследования было, на примере обобщения результатов изучения нигилизма российской радикальной интеллигенции второй половины XIX-начала XX века в русской философии, выявить универсальные характеристики нигилизма как социального явления. Для реализации данной цели в диссертации решались следующие задачи:

- выявить специфику содержания понятия «нигилизм» (термин «нигилизм», в связи с философией Ф. Ницше, широко использовался в европейской философии конца XIX – начала XX века, и имел существенно отличное содержание) употребляющегося в русской философии для характеристики идеологии, мировоззрения, социальных практик русской радикальной интеллигенции;

- выявить эвристические возможности социально-философской концептуализации феномена нигилизма в русской философии второй половины XIX – начала XX века на основе изучения образа русского нигилизма в романах Ф.М. Достоевского;

- доказать релевантность способов и результатов изучения феномена нигилизма как дифференциального признака идеологии, мировоззрения, социальных практик русской радикальной интеллигенции – для познания «нигилистических социальных практик» в XX веке;

- обосновать методологическую плодотворность изучения феномена нигилизма в единстве его метафизических, социальных, психологических, политических измерений, - социально-философской концептуализации образа русского нигилизма в романах Ф.М. Достоевского в русской философии второй половины XIX – начала XX веков.

Научная новизна диссертационного исследования определяется выбором предмета исследования, включением в оборот новых источников, точек зрения и полученными результатами:

- в диссертации впервые осуществлено обобщение результатов изучения нигилизма как дифференциального свойства идеологии, мировоззрения, социальных практик русской радикальной интеллигенции в русской философии второй половины XIX – начала XX веков;

- впервые определено содержание понятия «нигилизм» как конститутивной черты радикального интеллигентского умонастроения, - на основе социально-философской концептуализации метафизических, социальных, психологических, политических измерений нигилизма русской радикальной интеллигенции;

- доказана релевантность образа нигилизма в романах Ф.М. Достоевского для обобщенного социально-философского познания этого социального явления;

- в диссертации впервые предпринят анализ способов интерпретации литературных источников для выявления теоретически значимых признаков отображенного в художественном произведении социального явления, примененных в русской философии конца XIX – начала XX века при социально-философской интерпретации образа нигилизма в романах Ф.М. Достоевского;

- показано значение социально-философского анализа феномена нигилизма как дифференциального признака идеологии, мировоззрения, социальных практик русской радикальной интеллигенции для изучения современных проявлений нигилизма;

- дифференциальные и интегральные характеристики социальной реальности рассмотрены в соотнесении с нигилизмом как радикальной трансформацией общественного сознания, «травматическим» смещением оснований духовной жизни общества.

Теоретические и методологические основания диссертации. Общей теоретико-методологической основой рассмотрения феномена нигилизма вы-

ступают фундаментальные категории и принципы диалектического и системного методов. В работе, кроме того, используются важнейшие общенаучные методы исследования: такие как методы рефлексии и детерминации, сравнения источников, логические методы: индукции и дедукции, а также аналитический, синтетический и экстраполяции.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Полученные в результате диссертационного исследования идеи и выводы могут быть использованы для последующего социально-философского изучения феномена нигилизма, нигилизма как черты идеологий, социальных и политических практик, широко и повсеместно распространенных в наше время. Важным теоретическим результатом изучения феномена нигилизма как признака идеологии, мировоззрения, социальных практик русской радикальной интеллигенции стал вывод об универсальности феномена нигилизма, о плодотворности использования основных подходов к изучению нигилизма и полученных русской философией второй половины XIX – начала XX веков результатов – в изучении современных форм нигилизма.

Апробация материалов исследования. Результаты диссертационного исследования отражены в публикациях (общим объемом 2 п.л., в том числе одна статья в издании, рекомендованном ВАК РФ для публикации результатов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук); излагались автором на международных и российских научных конференциях: Социология социальных трансформаций: Международная научно-практическая конференция (17-19 октября 2002 года, Нижний Новгород); Будущее технической науки: 1У Международная научно-техническая конференция (26-27 мая 2005 года, Нижний Новгород), Будущее технической науки: УШ Международная научно-техническая конференция (15-16 мая 2009 года, Нижний Новгород), Личность в российской ретро- и перспективе: Региональная научно-практическая конференция (2 декабря 2002 года, Нижний Новгород); Российский студент – гражданин, личность, исследователь: Всероссийская научно-практическая конференция (19 марта 2010 года, Нижний Новгород).

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, двух глав (четырёх параграфов), заключения и библиографического списка.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **введении** обосновывается актуальность темы, анализируется степень научной разработанности проблемы, определяются объект и предмет исследования, формулируются цель и задачи исследования, характеризуется научная новизна работы, теоретическая и практическая значимость исследования, приводятся положения, выносимые на защиту, сведения об апробации и структуре работы.

В **первой главе** («Социально-философская концептуализация феномена нигилизма») определяются теоретико-методологические рамки изучения феномена нигилизма в русской философии второй половины XIX – начала XX века.

Первый параграф («Методологические принципы исследования нигилизма как социального явления»). В параграфе раскрывается смысл понятия «идеологический роман»; основной задачей является показать, почему романы Ф.М. Достоевского послужили в русской философии второй половины XIX – начала XX века основой изучения феномена нигилизма. Ф.А. Степун заметил, что герои Достоевского служат прежде всего для воплощения определенных идей: «Сравнивая идеи героев (имеются в виду «бесы» - Н.М.) с идеей в понимании Достоевского, нельзя не видеть, что одним и тем же словом он называет не только разные, но и явно несовместимые друг с другом вещи. И идеи названных героев выросли, конечно, не из Божьего семени, а из семян, сброшенных на землю сатаной. Для того, чтобы внести ясность в двусмысленную терминологию Достоевского, <нужно> употреблять платоновский термин идей только в смысле Божьего семени. Идеи же бесов и остальных героев Достоевского буду именовать идеологиями. Различие идеи и идеологии, конечно, не отрицает тесной связи между ними, что вероятно, является причиной неотчет-

ливости терминологии Достоевского»¹; в той степени, в какой для Достоевского (и для большинства русских философов второй половины XIX – начала XX века) именно идеи являлись подлинными элементами социальной реальности, – в той степени «идеологический роман» следует рассматривать источник для познания и критики таких идей. По оценке Н.А. Бердяева, «Достоевский большой мастер в описании перерождения и вырождения личности под влиянием одержимости злой страстью или злой идеей. Он исследует онтологические последствия этой одержимости. Когда безудержная свобода переходит в одержимость, она погибает, ее уже нет»².

Существенной особенностью образа нигилизма в «идеологическом романе» Ф.М. Достоевского, изучения нигилизма в русской философии второй половины XIX – начала XX веков было первостепенное внимание исследователей к «личностному преломлению» феномена нигилизма, что, в свою очередь, определялось специфически отличным от современного пониманием связи и структуры областей философского и научного знания (в конечном счете, по Н.А. Бердяеву, иерархической структурой бытия). В русской философии второй половины XIX – начала XX века указывалось, что благодаря Достоевскому мы имеем возможность изучать «человеческое измерение» абстрактной идеи, особенности овладения ею человеческим сознанием и человеческим существом (душа есть «средоточие» человека, по Достоевскому); важной темой диссертационного исследования становится диалектика взаимоотношения абстрактной идеи с самой собой, но уже «преломившейся» в душе человека, прошедшей через его сознание. На этой основе в диссертации раскрывается диалектика «трех уровней» нигилизма, которые выявлены у Достоевского в русской философии второй половины XIX – начала XX веков: «метафизического», индивидуально-личностного («индивидуальный путь человекобожества», в терминологии Н.А. Бердяева) и общественно-политического (который можно назвать «обществен-

¹ Степун, Ф.А. Миросозерцание Достоевского / Ф.А. Степун // О Достоевском. Творчество Достоевского в русской мысли 1881-1931 годов. – М.: Книга, 1990 – С.344.

² Бердяев, Н.А. Миросозерцание Достоевского / Н.А. Бердяев / Философия творчества, культуры и искусства. В 2 томах. – Т.2. – М.: Искусство, 1994. – С. 54.

ный путь человекобожества», или «царством кесаря», если опять же иметь в виду терминологию, введенную Бердяевым).

В первом параграфе диссертации рассматривается также проблема обусловленности нигилистической идеологии, мировоззрения, социальных практик русской радикальной интеллигенции особенностью ее социального бытия и местоположения. Сам Достоевский полагал, что «отрыв от органических условий народной жизни», от «почвы» - есть причина «нигилистичности». Б. Энгельгардт в работе «Идеологический роман Достоевского» писал, что герой Достоевского – оторвавшийся от культурной традиции, от почвы и от земли интеллигент-разночинец, представитель «случайного племени». Такой человек вступает в особые отношения к идее: он беззащитен перед нею и перед ее властью, ибо не укоренен в бытии и лишен культурной традиции. Он становится «человеком идеи», одержимым от идеи. Идея же становится в нем идеей-силой, всевластно определяющей и уродующей его сознание и его жизнь. Идея ведет самостоятельную жизнь в сознании героя: живет, собственно, не он – живет идея, и романист дает не жизнеописание героя, а жизнеописание идеи в нем; историк «случайного времени» становится «историографом идеи». Доминантой образной характеристики героя является поэтому владеющая им идея вместо биографической доминанты обычного типа³. Достоевский изображал жизнь идеи в индивидуальном и социальном сознании, ибо ее он считал определяющим фактором интеллигентского общества⁴.

В первом параграфе изучается схема интерпретации социально-философски релевантного содержания образа нигилизма в идеологическом романе Ф.М. Достоевского. М.М. Бахтин, анализируя работу Энгельгардта, указывает, что в зависимости от характера идеи, управляющей сознанием и жизнью героя, Энгельгардт различает три плана, в которых может протекать действие романа. Первый план – это «среда». Здесь господствует механическая необходимость; здесь нет свободы, каждый акт жизненной воли является здесь есте-

³ Энгельгардт, Б.А./Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского / М.М. Бахтин. – М.: Советский писатель, 1963. – С. 30.

⁴ Энгельгардт, Б.А. Там же. С. 30-31.

ственным продуктом внешних условий. Второй план – «почва». Это органическая система развивающегося народного духа. Наконец, третий план – «земля»⁵; в диссертации раскрывается содержание названных «трех планов», показывается, что предложенная Б. Энгельгардтом «схема» широко использовалась исследователями при изучении образа нигилизма в романах Ф.М. Достоевского. Вторым, доказавшим свою плодотворность, методологическим инструментом выявления социально-философского содержания образа нигилизма, разбираемым в диссертационном исследовании, является разработанная М.М. Бахтиным (и в отдельных элементах использовавшаяся ранее) теория диалога. Не соглашаясь с Б. Энгельгардтом в том, чтобы считать идею «главным героем романа Достоевского», М.М. Бахтин утверждал, что его героем был человек, и изображал он в конце концов не идею в человеке, а, говоря его собственными словами, «человека в человеке». Идея же была для него или пробным камнем для испытания человека в человеке, или формой его обнаружения, или, наконец, - и это главное – тем «медиумом», тою средою, в которой раскрывается человеческое сознание в его глубочайшей сущности⁶. Основным условием создания идеи-образа у Достоевского Бахтин считал понимание писателем «диалогической природы человеческой мысли, диалогической природы идеи. Достоевский сумел открыть, увидеть и показать истинную сферу жизни идей. Идея живет не в изолированном индивидуальном сознании человека, - оставаясь только в нем, она вырождается и умирает. Идея начинает жить, то есть формироваться, развиваться, находить и обновлять свое словесное выражение, порождать новые идеи, только вступая в существенные диалогические отношения с другими чужими идеями. Человеческая мысль становится подлинной мыслью, то есть идеей, только в условиях живого контакта с другою чужою мыслью, воплощенном в чужом голосе, то есть в чужом, выраженном в слове сознании. В точке этого контакта голосов-сознаний и рождается и живет идея»⁷.

⁵ Бахтин, М.М. Там же. С. 32-33.

⁶ Бахтин, М.М. Там же. С.43.

⁷ Бахтин, М.М. Там же. С. 116-117.

В диссертации приводятся аргументы в пользу реализованной в русской философии второй половины XIX – начала XX веков установки изучать образ нигилизма в романах Достоевского в единстве всех его «измерений» и «планов», соблюдая заданный самим писателем порядок иерархического соподчинения «уровней» нигилизма; эти уровни в русской философии получили названия: «метафизика своеволия», «индивидуальный путь человекобожества», «общественный путь человекобожества».

Второй параграф («Метафизика своеволия: социальная онтология нигилизма»). Традиция изучения этого плана нигилизма в русской философии второй половины XIX – начала XX века предполагает философскую интерпретацию трех основных образов романов Ф.М. Достоевского: Николая Ставрогина, Ивана Карамазова, Великого инквизитора. Образ Ставрогина привлекал внимание многих философов, «разрабатывавших тему» нигилизма: на Западе это были, например, Ф. Ницше, А. Камю; в России особенно следует отметить С.Н. Булгакова, Н.А. Бердяева. Ю.Н. Давыдов, современный отечественный философ и социолог, специально изучил проблему «включенности» «образа Ставрогина» в философские построения Ф. Ницше и А. Камю. На эту традицию «интерпретации ставрогинского образа» опиралось данное диссертационное исследование.

В качестве существенных черт образа Ставрогина (и существенных черт нигилизма на этом его уровне) в русской философии конца XIX – начала XX века отмечалась его «медиумичность», «одержимость», Ставрогин, по словам С.Н. Булгакова, есть не человек, но «личина», «место прорыва зла», «Ставрогина нет, ибо им владеет дух небытия, и он сам знает о себе, что его нет, отсюда вся его мука, вся странность его поведения, эти неожиданности и эксцентричности»⁸, «медиумичность, женственная рецептивность, паралич мужского начала Логоса отличают Ставрогина, как и большинство действующих лиц в «Бе-

⁸ Булгаков, С.Н. Булгаков С.Н. Русская трагедия / С.Н. Булгаков // О Достоевском. Творчество Достоевского в русской мысли 1881-1931 годов. – М.: Книга, 1990. – С. 196-197.

сах»⁹. В диссертации указывается, что именно эти черты как свойства «нигилизма» называются и такими европейскими философами XX века, как А. Камю, А. Глюксманн. Булгаков понимал образ Ставрогина как порождение «преисподнего зла», в том состоянии одержимости, в каком находится Ставрогин, он является как бы отдушиной из преисподней, через которую проходят адские испарения. Он есть не что иное, как орудие провокации зла¹⁰. В качестве существенного понимания нигилизма вводится его определение как «абсолютизация относительного» (С.Н. Булгаков, С.Л. Франк), имеется в виду распад порядка бытия, изменение должного взаимоотношения его уровней и планов произвольным.

В диссертации применяется разработанный Я.Э. Голосовкером метод сопорядоченного анализа образов одного смыслового плана, вместе составляющих целое изучаемого феномена, названный Голосовкером «смыслообразующей кривой». Ю.Н. Давыдов располагает образ Ставрогина на такой кривой (выявляя тем самым еще одно существенное свойство нигилизма): «Ставрогин, если классифицировать этот персонаж «Бесов» с точки зрения, изложенной в «Дневнике нигилиста», оказался где-то в «промежутке» между крайним нигилизмом и позицией «сверхчеловека». У него хватило сил лишь на то, чтобы «спутать» добро и зло, чтобы попирает добро в пользу зла. Однако у него не хватило сил на то, чтобы действовать безотносительно к этому различию вообще. Вот почему для Ницше ставрогинская позиция вовсе не была бы «царственной», какой является для немецкого философа лишь позиция классического нигилиста и «сверхчеловека»¹¹. Это что касается «места» Ставрогина на «кривой» «тотального нигилизма», какой она представлялась Ницше; интересно, что «абсолютность» ставрогинской позиции здесь отрицается, хотя для самого Достоевского ницшеанская «перспектива» была явно чуждой. Давыдов далее указывает на принципиальное, по нашему мнению, различие между «перспектива-

⁹ Булгаков, С.Н. Там же. С. 197.

¹⁰ Булгаков, С.Н. Там же. С.198.

¹¹ Давыдов, Ю.Н. Этика любви и метафизика своеволия / Ю.Н. Давыдов. – М.: Молодая гвардия, 1989. – С. 223.

ми» Достоевского и Ницше. Для Ницше нигилизм был преодолим (и «сверхчеловек» есть для него такое преодоление), должен был быть преодолен и действительно, как ему казалось уже в его время, преодолевался. Для Достоевского нигилист не мог преодолеть своего нигилизма, самоубийство, через бунт и преступление, – единственный его «конец». Итак, «психо-логика» нигилизма, как он представлен у Достоевского, по Давыдову такова: бунт – преступление – самоубийство.

Образ Ивана Карамазова в русской философской критике традиционно рассматривался в контексте диалектики Богочеловечества и человекобожества: Иван, конечно, относился ко второму элементу этой дихотомии. Конкретизацией же обозначенной проблемы всегда служило исследование соотношения элементов человеческого существа, человеческой души, и в соответствии с результатами исследования делались выводы об отнесении к той или иной стороне определенной этими двумя полюсами бездны. Традиционной для русской философии второй половины XIX – начала XX веков была интерпретация образа Ивана Карамазова как персонификации идеи рационального богоборчества (излюбленная Достоевским тема об «окончательном земном устройении человечества» - без Бога). С.И. Гессен утверждает, что Иван представляет философию бунта, или философию восставшей против бытия мира воли, то есть ту самую философию, которое свое самое точное выражение получила в кантовском понимании добра. Ее именно и имел в виду Кант, когда сказал про себя однажды, что он более подлинный революционер, чем деятели французского террора. «Легенда о Великом Инквизиторе» представляет собою одно из замечательнейших изложений этой философии свободы¹². Иван идет путем свободы. Добро для него лежит в свободе, а не счастье, в личности, а не в бытии. Достоевский как бы специально подчеркивает тождество представленного Иваном добра с героическим добром – должествованием Кантовой этики¹³.

¹² Гессен, С.И. Трагедия добра в «Братьях Карамазовых» Достоевского / С.И. Гессен // О Достоевском. Творчество Достоевского в русской мысли 1881-1931 годов. – М.: Книга, 1990. – С. 356-357.

¹³ Гессен, С.И. Там же. С. 357.

В диссертации подробно рассматриваются три различные интерпретации существа «Карамазовского бунта»: Н.А. Бердяева, В.В. Розанова, А. Камю, являются социально релевантные «компоненты» и «следствия» этого бунта, прежде всего в связи с представлением карамазовского бунта А. Камю как «тяжбы с Богом» за справедливость; он пишет: «У Ивана план узурпации остается, однако, чисто моральным. Ничего в мире реформировать он не хочет. Но поскольку мир таков, каков он есть, Иван извлекает из этого право на моральное освобождение как для себя, так и для других людей. Однако с той минуты, когда, принимая формулы «все дозволено» или «все или никто», бунтарский дух поставит перед собой цель преодолеть творение, чтобы утвердить господство и божественность людей с той минуты, когда метафизическая революция продвинется от морали к политике, начинается новое неизмеримой значимости дело, так же порожденное, следует это отметить *нигилизмом*»¹⁴.

По согласному мнению, утвердившемуся в русской философии второй половины XIX – начала XX веков, «главы «Братьев Карамазовых» «Pro и contra» и «Великий Инквизитор» - центральные не только по отношению к роману, в котором они содержатся, но и по отношению ко всему длинному ряду произведений Достоевского, который можно рассматривать как предварительные, неполные и неясные вариации мучительной темы, вылившейся неожиданно почти, почти без всякой связи с самим романом, в этих главах, по времени написания – почти предсмертных»¹⁵. Основной план «Легенды о Великом Инквизиторе», отвечающий непосредственным целям настоящего исследования нигилизма – это план «окончательного устройства земного рая» без Бога, на чисто человеческих основаниях: «Великий Инквизитор хочет сделать людей счастливыми, устроенными и успокоенными, он выступает носителем вечного начала человеческого благополучия и успокоения»¹⁶. Диалектика богоборчест-

¹⁴ Камю, А. Бунтующий человек / А. Камю / Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. – М.: Политиздат, 1990. – С. 161-162.

¹⁵ Розанов, В.В. О Достоевском / В.В. Розанов // О Достоевском. Творчество Достоевского в русской мысли 1881-1931 годов. – М.: Книга, 1990. – С.73.

¹⁶ Бердяев, Н.А. Откровение о человеке в творчестве Достоевского / А.Н. Бердяев // О Достоевском. Творчество Достоевского в русской мысли 1881-1931 годов. – М.: Книга, 1990. – С.230.

ва, запечатленная в «Поэме», рассматривается в диссертации в связи с ее исследованием Н.А. Бердяевым, И.И. Лапшиным, В.В. Розановым, С.И. Гессеном. В диссертации обобщаются результаты изучения «метафизики своеволия» в русской философии второй половины XIX – начала XX веков:

1. Религиозно-метафизический нигилизм возникает там и тогда, где и когда вера в Бога и его правда замещается требованием счастья и справедливости. Непонимание Божественного провидения (ввиду ограниченной природы человеческого разума), с одной стороны, непомерность человеческих страданий – приводит к бунту против Божественного мироздания. Маловерие – необходимое условие сомнения, ведущего к бунту.

2. Восстание против Бога возможно лишь ввиду безусловно дарованной человеку свободы. Свобода отпавшего от Бога, своего истинного источника, человека перерождается в нигилистическое своеволие, ибо основанная на себе самой, она уже не имеет ни ограничений для своего осуществления, ни критериев своей оценки. Нигилистическое своеволие основывается или на абсолютизации Разума (ограниченного человеческого разума), или на абсолютизации «витальности», «животности» в человеке. Метафизический нигилист – это индивид, основывающий свою свободу на абсолютизации разума. Человек, основывающий свою свободу на абсолютизации «витальности» может найти свой путь в политическом нигилизме. Здесь открывается одно из главных определений нигилизма как абсолютизации относительного; имеет свое основание логика нигилизма.

3. Бунт, первоначально основывающийся на требовании справедливости и счастья, движимый идеалами человеколюбия и добра, по мере своего развертывания, все больше подпадает под логику нигилизма, начинается путь нигилистического разрушения. Цели земного окончательного устройства человечества на началах разума и справедливости, требуют принесения себе в жертву свободы, личности, жизни миллионов людей, становящихся, по Достоевскому, фундаментом грядущего счастья.

4. Извратившиеся в результате небрежной, имманентной логики нигилизма, цели требуют соответствующих себе средств, любовь в человечестве превращается в ненависть к его «врагам», которыми считаются все, несогласные с «генеральной линией» к человеческому счастью, мельчайшие расхождения во мнениях приводят к ненависти и убийству (см. видение Раскольникова в «Эпilogue» романа).

5. На вышеуказанном пути религиозно-метафизический нигилизм вступает в область политики, проявляется в политическом своем модусе; лишенный своего высокого морального оправдания, постепенно превращается в преступление и террор. Желаящие же сохранить свои высокие моральные императивы индивиды приходят к «раздвоению» своей личности (божественное в человеческой природе сопротивляется уничтожению своей собственной сущности) что, в конце концов, приводит к самоубийству либо как к единственно возможному способу утверждения цельности своей личности на новом основании – основаниях человекобожества (Кириллов), либо, как у Ставрогина – к окончательному распаду личности.

6. В процессе осуществления описанной логики нигилизма, человеческая личность, подпадая под власть зла, утрачивает свое, данное Богом, лицо, которое заменяется «личиной», «маской», человечность превращается в свою противоположность. Только после совершения этого превращения открывается широкая дорога собственно политического нигилизма, преступления и террора; этот путь не встретит уже никакого сопротивления в умершей человеческой душе.

Во **второй главе** («Нигилизм как социальное явление») рассматриваются социальные и политические практики, по отношению к которым утвердился термин «нигилистические». При описании и критике этих практик русская философия второй половины XIX – начала XX веков также имеет в центре своего внимания образ нигилизма в романах Ф.М. Достоевского.

Первый параграф («Индивидуальный путь человекобожества»: социопсихологический уровень анализа нигилизма) посвящен выявлению социо-

психо-логики (термин Ю.Н. Давыдова) нигилизма. «Индивидуальный путь человекобожества», на который вступает человек, имеет столько же разновидностей, сколько людей на него вступает. В русской философии второй половины XIX – начала XX веков выделено три его разновидности; у Достоевского они олицетворяются в образах Раскольникова, Кириллова и Смердякова.

В диссертации изучаются интерпретации образа Раскольникова, предложенные в работах М.И. Туган-Барановского, Вяч. Иванова, С.Л. Франка. Основная тема: преступление как точка разрыва социальных связей нравственной деградации, - достаточно хорошо изучена в отечественной науке; в диссертации лишь подчеркивается, что «Раскольникову изначально было родным сознание священных реальностей бытия, и только временно затемнилось для него их лицезрение, временно ощутил он себя личностью, изъятой из среды действия божеского и нравственного закона, временно отверг его и пожелал дерзновенно отвесть горделивую усладу преднамеренного отъединения и призрачного сверхчеловеческого своеначалия, измыслил мятеж и надумал беспочвенность, искусственно отделившись от материнской почвы (что символично отмечено в романе отношением его к матери и словами о поцелуе матери-земли). Раскольников и старуху убил только для того, чтобы провести эксперимент своего идеалистического самодовления, и на опыте убедиться, что дозвлет себе не может. Переживание любви, будучи переживанием мистического реализма и мистически реальным общением с матерью-землей, помогает ему, в лице Сони, воскресить в своей душе «виденья первоначальных чистых дней»¹⁷.

Образ Кириллова чаще привлекал внимание исследователей нигилизма: начиная от Ницше и русских религиозных философов и заканчивая А.Камю и другими исследователями II половины XX века. Это связано не только с большей выраженностью в нем именно нигилистических черт, но и с тем, что на его примере Достоевским ставится и решается одна из основных, как мы ее определили – «сквозных», проблем нигилизма – проблема самоубийства. «Кириллов

¹⁷ Иванов, Вяч. Достоевский и роман-трагедия / В. Иванов // О Достоевском. Творчество Достоевского в русской мысли 1881-1931 годов. – М.: Книга, 1990. – С. 187-188.

представляет собою одно из самых глубоких и поразительных порождений мистического гения Достоевского, в нем раскрываются религиозные бездны человеческого духа. Инженер по образованию, Кириллов живет только религиозными интересами. «Меня всю жизнь Бог мучил»¹⁸. Сталкивая «головной» нигилизм Кириллова с теми началами человечности, что сохранились в его душе, Достоевский с глубочайшей проникновенностью демонстрирует одновременно и внутреннюю (логическую, теоретическую, философскую) несостоятельность нигилизма, и его «болезненную» природу, превращающую нигилизм в форму душевной болезни, усугубленной заболеванием духа»¹⁹. Ю.Н.Давыдов представляет нам и логику кирилловского нигилизма в ее дальнейшем развитии – вплоть до практических выводов. Самообожествление человека путем самоубийства – это, в глазах Достоевского, то же самое утверждение нравственного миропорядка посредством устранения морального абсолюта, только переведенное с этического языка на онтологический, на язык проблемы самого бытия. Это «метафизическая предпосылка» кирилловской «этики без абсолюта», глубинный корень которой в уравнивании жизни и смерти, бытия и небытия. Оказывается, что в основе подобной этики, возводящей в абсолют самого человека, лежит стирание различия между жизнью и смертью, бытием и небытием. В этом самый глубокий исток нигилизма, представляющего собой в конечном счете отрицание самого бытия, из чего и проистекает все разрушительно-разлагающее, все чудовищно бесчеловечное в нигилизме²⁰. В диссертации показывается, что в дальнейшем разворачивании этой логики, логики нигилизма мы уже видим неизбежность ее перехода в «политическую плоскость» - сферу реального ее самоосуществления. От Кириллова уже ведет прямой путь к Верховенскому. Однако в своем движении эта логика проходит еще через одну ступень: у Достоевского она олицетворена в фигуре Смердякова.

¹⁸ Булгаков, С.Н. . Русская трагедия / С.Н. Булгаков // О Достоевском. Творчество Достоевского в русской мысли 1881-1931 годов. – М.: Книга, 1990. – С. 204.

¹⁹ Давыдов, Ю.Н. Эстетика нигилизма / Ю.Н. Давыдов. – М.: Искусство, 1975. – С. 212.

²⁰ Давыдов, Ю.Н. Там же. С. 233-234.

Смердяков - та самая «пустота формы» и «свобода бессодержательного», о каковых, как о существенных определениях нигилизма, писал Розанов в «Уединенном» и в «Опавших листьях». Это та самая «пустая оболочка», каковой, по Энгельгардту, безраздельно завладевает какая-либо идея. В этом смысле, существование личности Смердякова – призрачно, он – даже не фанатик, он – раб, оболочка завладевшей им нигилистической идеи. Такую форму она принимает в человеке, завладев им безраздельно, уничтожив все человеческое. Н.А.Бердяев писал по поводу смердяковского нигилизма: «Но в революции торжествует не только шигалевщина, но и смердяковщина. Иван Карамазов и Смердяков – два явления русского нигилизма, две формы русского бунта, две стороны одной и той же сущности. Иван Карамазов – возвышенное, философское явление нигилистического бунта; Смердяков – низкое, лакейское его явление. Иван Карамазов на вершинах умственной жизни делает то же, что Смердяков делает в низинах жизни. Смердяков будет осуществлять атеистическую диалектику Ивана Карамазова. Смердяков – внутренняя кара Ивана. Во всякой массе человеческой, в массе народного бытия больше Смердяковых, чем Иванов. И в революциях, как явлениях массовых, количественных, более Смердяковых, чем Иванов. Это Смердяков делает на практике вывод, что все дозволено. Иван совершает грех в духе, в мысли, Смердяков совершает его на деле, воплотив идею Ивана в жизнь. Иван совершает отцеубийство в мысли. Смердяков совершает отцеубийство физически, на самом деле»²¹, и далее: «Во взаимоотношениях Смердякова и Ивана как бы символизируется отношение между «народом» и «интеллигенцией» в революции»²².

Второй параграф («Политический нигилизм как идеология и мировоззрение радикальной интеллигенции»). В диссертации утверждается, что общественный путь человекобожества, или политический нигилизм, Ф.М. Достоевский (и вся русская философия) рассматривал лишь в тесной связи и зависимости от метафизического нигилизма, и, глубже, в контексте вселенской и вечной

²¹ Бердяев, Н.А. Миросозерцание Достоевского / Н.А. Бердяев / Философия творчества, культуры и искусства: В 2 томах. – Т.2. – М.: Искусство, 1994. – С. 99.

²² Бердяев, Н.А. Там же. С.100.

борьбы добра и зла. Политический нигилизм – лишь отражение в политике этой борьбы, и ее исход в конечном счете решается не в политической сфере жизни общества, но в «душах человеческих». Однако это совсем не означает, что Достоевский не исследовал специальные проявления нигилизма именно в политике или что он преуменьшал значимость политики для человека, во-первых, и, во-вторых, что он не видел специфических особенностей, новых черт, возникающих при трансформации метафизического нигилизма при его проникновении в сферу политики, - их изучение составляет специальную задачу данного параграфа диссертации.

Говоря об образах Шатова и Верховенского, мы изучаем тип политического нигилиста (или, в последнем случае, - революционера, что для Достоевского почти одно и то же), «психо-логику» политического нигилизма; обращаясь же к системам Великого Инквизитора и Шигалева, а так же моделям («модусам», как писал Розанов) земного устройства человечества, которых Достоевский усматривал три («курытник», «хрустальный дворец», и «муравейник») мы исследуем смысл и итоги нигилистического движения в истории и обществе, политические системы, закономерно и неизбежно возникающие при реализации означенных систем. Две эти проблемы нашего изучения есть лишь аспекты исследования Достоевским политического нигилизма в его цельности и логической завершенности.

Главным носителем политического нигилизма и, следовательно, главным объектом препарирования писателем было российское революционное движение. Нам кажутся мало аргументированными те страницы цитируемой в диссертации книги Ю.Ф.Карякина, где он доказывает амбивалентное отношение Достоевского к революционному движению, что якобы писатель различал истинных «социалистов» и мошенников: сам Достоевский не дает поводов к такой трактовке. Напротив, отношение писателя к современному ему революционному движению было ровно отрицательным ко всем его разновидностям; он ясно видел, что различия в форме не меняют сущности единого содержания, напротив, сами различия он считал необходимо вытекающими из внутренней

нигилистической сущности революционного движения в целом (опять же вспомним видение Раскольникова в Эпilogue к «Преступлению и наказанию»). Именно так понималась позиция Достоевского и в русской религиозной философии начала XX века (двойственное отношение к революции как принципу у Бердяева и Мережковского ничего не меняет в их резко отрицательном отношении к российскому революционному движению с его доминирующим нигилизмом и атеизмом).

В диссертации выделены специфические качества политического нигилиста, и сделан вывод, что новым по сравнению с нигилизмом «других уровней бытия» является большая пошлость, всепоглощающий утилитаризм политического нигилиста как типа; этот утилитаризм подчеркивался как самими нигилистами (Писарев), так и всеми исследователями собственно политического нигилизма, начиная с русских религиозных мыслителей и кончая исследователями студенческого движения 60-х годов XX века. Во всем остальном политический нигилизм как тип является продолжением, логическим завершением метафизического нигилиста, Ставрогин и Иван Карамазов породили Верховенского и Смердякова.

Не менее важным вопросом для нашего исследования и для адекватного изложения понимания Достоевским сущности политического нигилизма является вопрос о характере, основных признаках, сущности того общества, которое может быть построено на нигилистических принципах, к которому ведет нигилистическое движение. Достоевский так определял возможные формы организации общества. ««Муравейник», «Хрустальный дворец» и «Курятник» - это три образные выражения идеи всемирного соединения людей и их успокоения, которые впервые обсуждаются у Достоевского в «Записках из подполья». «Курятник» - это бедная и неудобная действительность, которая, однако, предпочтительнее всего другого, потому что она хрупка, всегда может быть разрушена и изменена и, следовательно, не отвечая требованиям человеческой природы, отвечает главной и самой существенной ее особенностью – свободной воле, прихотливому желанию, которое не погашается в индивидууме. «Хрустальный

дворец» - это искусственное, возведенное на началах разума и искусства здание человеческой жизни, которое хуже всякой действительности, потому что, удовлетворяя всем человеческим нуждам и потребностям, не отвечает одной и главной – потребности индивидуального и особенного желания; оно подавляет личность. В «Записках из подполья» отвергается вторая формула и оставляется первая, за отсутствием для человека третьей – «Муравейника»: под этим названием разумеется всеобщее и согласное соединение живых существ какого-либо вида, основанное на присутствии в них одного общего и безошибочного инстинкта построения общего жилища. Таким инстинктом наделены все живущие общества животные (муравьи), но его лишен человек: поэтому в то время, как они строят всегда одинаково, повсюду одно и постоянно мирно, человек строит повсюду различное, вечно трансформируется в своих желаниях и понятиях; и едва приступит к построению всеобщего – разойдется в представлениях своих, единичных личностях, и притом со смертельной враждою и ненавистью²³.

В связи с образом политического нигилизма в романах Ф.М. Достоевского в русской философии второй половины XIX – начала XX века рассматривается тема «Поэмы о Великом инквизиторе» о «трех искушениях»; в диссертации предпринята систематизация позиций и интерпретаций, заявленных в ходе обсуждения названной темы. В диссертации также предложен опыт рациональной реконструкции «социальной истории нигилизма»: от «строительства Вавилонской башни» до «окончательного земного устройства человечества по плану Великого инквизитора», - отображенной в образе нигилизма в романах Ф.М. Достоевского и изученной в основных элементах в русской философии второй половины XIX – начала XX веков. Среди черт политического нигилизма в диссертации анализируются: революционность, утопичность, - то есть его свойства, выделенные Ф.М. Достоевским и использованным в начале XX века для критики революционного мировоззрения российской интеллигенции авторами

²³ Розанов, В.В. Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского. Опыт критического комментария / В.В. Розанов / Несовместимые контрасты жития. Литературно-эстетические работы разных лет. – М.: Искусство, 1990. – С. 148.

«Вех». В диссертации также кратко характеризуется отношение Ф.М. Достоевского к современным ему политическим идеологиям и программам; приводятся суждения о революционном характере политической идеологии самого Ф.М. Достоевского.

В заключении диссертации подводятся итоги проведенного исследования и систематизируются полученные результаты, обозначаются возможные тенденции дальнейшего развития исследуемой проблемы.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. Идеология элиты в социальном пространстве современной России / Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2009. № 1. С. 7-12.

2. Российский нигилизм в пространстве метафизики / Труды Нижегородского государственного технического университета им. Р.Е. Алексеева. Серия: Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии. 2009. № 4. С. 27-33.

3. Проблематика социального конфликта в традициях русской мысли начала XX века / Будущее технической науки. Тезисы докладов 7 Международной научно-технической конференции 17 мая 2008 года. – Н. Новгород: Нижегородский государственный университет им. Р.Е. Алексеева, 2008. – С. 417-419.

4. Классовое общество: политический и правовой идеал / Будущее технической науки. Тезисы докладов 8 Международной научно-технической конференции 15 мая 2009 года. – Н. Новгород: Нижегородский государственный университет им. Р.Е. Алексеева, 2009. – С. 405-406.

5. Нигилизм и маргинальность: опыт постперестроечной России / Российский студент – гражданин, личность, исследователь. Материалы Всероссийской научно-практической конференции 19 марта 2010 года. – Н. Новгород: Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева, 2010. – С. 308-309.

6. Нигилизм: эпоха и реальность / Будущее технической науки. Тезисы докладов 9 Международной научно-технической конференции 15 мая 2010 года. –

Н. Новгород: Нижегородский государственный технический университет им.
Р.Е. Алексеева, 2010. – С. 417-419.